

Поэзия

Однажды на литературном вечере поэту Юрию Кублановскому задали вопрос:

– Кого из современных авторов вы могли бы назвать?

Он ответил примерно так:

– Талантливых авторов сейчас очень много. Гораздо больше, чем, например, десять лет назад. Разных – столичных и провинциальных, известных и неизвестных, молодых и немолодых. Но назвать кого-то одного... Есть много маленьких «звездочек». Но нет такого мира, к которому хотелось бы прислониться. И не расставаться с ним.

Читая стихи Юрия Богданова, я вижу этот мир. Может быть, потому ещё, что люблю его как человека. Спокойный, надёжный и – не побоюсь этого слова – хороший. Он мне напоминает дерево, вросшее из плечи в землю и вырывающееся из земли. Сам себя он видит растущим в камень, как сказано в стихотворении «Путеводный рабочий».

Родился Юрий Богданов 4 августа 1940 года в городе Бугульме Татарской АССР. В 1958 приехал в Магнитогорск. Поступил в МГПИ, учился на факультете русского языка и литературы. Профессиональный рабочий. В этой «должности» трудился с 1958-го на Магнитогорском металлургическом комбинате. С 60-х годов – активный участник литературной жизни города, член различных литературных объединений: «Магнит», «Красное солнышко», городского ЛитО имени Бориса Ручьева. Когда-то давно я впервые прочла его стихи. Ощущение чего-то настоящего, не придуманного, естественного. И ещё, помню, мы с Юрием Ильясовым сравнивали его стихи с необработанным драгоценным камнем. Сейчас мне видится, наверное, глубже, потому что – вот они, грани шлифовки, сверкают!

Белой завистью завидую молодым стихотворцам, которые в самом начале своих творческих поисков могут опереться на открытия наивно-зрелого моего и отныне, надеюсь, вашего друга – поэта Юрия Богданова.

Галина Лещинская,
член Союза российских писателей

Я вижу этот мир...

Юрий Богданов

Подпасок

Вышел заспанный подпасок,
Волоча гремучий кнут.
Рано утром видно сразу:
Трутень – или любит труд.

Он идет землю древней,
Мал в летах, зато в чести,
Понимает, что в деревне
Долго некогда расти.

***

И розовую нитку горизонта
из клюва в клюв
тянули птухи.
И странное явление:
сквозь сон ты
мне говорила грустные стихи.

А я стоял,
душою спокоен,
у нашего рассветного окна
меж золотистым утром –
и тобою.
И жизнь твою
как бы читал до дна...

Путеводный рабочий

Тяжелым отточенным ломом
Взрываю гранита края.
Кладовскому злему
Подобна работа моя.

Работаю молча, сердито.
Под шапку въедается пот.
Ответная сила гранита
Колочими искрами бьет.

Устану... Но встану. Под вечер,
Себе самому удивясь,
Я в камень – по самые плечи –
Уйду, раскаленно дымясь.

...Поставят электроопору
Основой –

в мой собственный рост!
Я поезд узнаю, который –
Грохочущий, старый, нескорый –
Меня в этот мир, в этот город,
Пожалуй, надолго привез.

Хлеб огня

Всё, от чего слепой порою
Глаза и звезды отреклись,
Природа медленно рукою
Столкнула вниз:

К себе – в запазухи расщелин,
В карманы зыбкие болот,
Где нет движения и цели,
Где времени непереворот,

Где ночи вековечно сжались
Угрюмо, немо, непроточно,
Где сдвиг частицы –
злей пожарищ,
Пространство –
напряженной точки,

Где нет ни воздуха, ни солнца,
Где смерти нет и жизни нет,
Спрессован в пласт
зеркально-сонный
Весь древний свет.

Но этот, каменно весомый
Для кочегара, для меня
Он – спящий гром.
Он – всполох молний.
Хлеб вдохновенного огня.

Лик Магнитогорска

Под дождем промок до нитки
И в польнь уткнулся глухо.

Приложил к горе Магнитной
Нерассеянное ухо:

Звон кирки... И стон копыта...
Что зарыто, что забыто –

Тёплым зноем, добрым боем

Всколыхнулось надо мною.
Я свернул не вправо –
к дому,
А налево –
к дымным домнам.

К домне – адовому брюху –
Приложил другое ухо:

Словно жёсткий
жим штангиста,
Выдох – свистом,
вдох – неистов.

...Я уехал в дальни дали.
Не медаль –
значок мне дали.

В нём отлит в красе неброской
Жёсткий лик Магнитогорска.

Город и завод

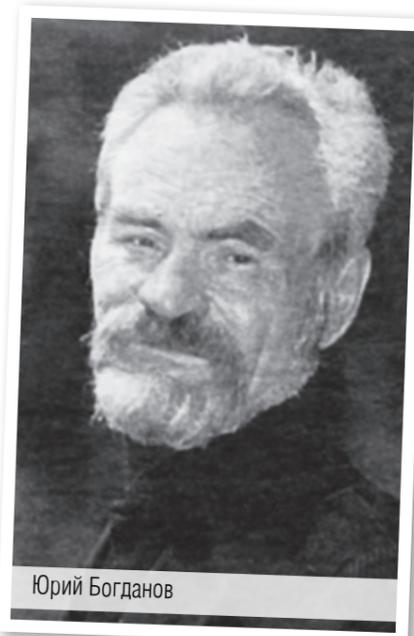
Меж двух мостов,
как будто на руках,
Листает ветер городское небо...
Такие книги пишутся – века,
А этой книге век ещё неведом.

Дома молчат, и птицы не поют,
Зарничный отблеск
отлетает в горы.
Читает биографию свою
Взыскательно
и поименно город.

А там, на левом,
в трудовом дыму
Нежданно
выплывают домны – плечи
Надменно уходящего во тьму
Завода, подпирającego
Млечный...

***

...И скрылся поезд –
почтальон глубинки,
И вдалеке затих колесный гром.
Дед вскрыл конверт.

Юрий Богданов

От правнука картинка! –
Точь-в-точь, как здесь:
и палисад, и дом;

Каракули карагачей молчали,
Качели даже воздух не качали,
Дошкольная фантазия
венчально
Успела солнце вставить
в уголке –
Весь полустанок
грелся на листке.

Дед все узнал:
изибь родимой речки
И даль,
где шпальных лестниц
крутизна...

И лишь
в пятиконечном человечке
Себя старик – сквозь слезы –
не узнал.

***

Текут облака –
Сомнений река,
Раздумий река,
Река наслаждений...
И дышит
В их голубые бока
Планеты уснувший гений.

Проза

Будь!

Рыночная площадь пустовала. Был тот час, когда все взявшие, перепробовавшие, узнавшие горожане с чашками, бутербродами, сладостями сидели у телевизоров. Запоздалые копошились на троллейбусной остановке у метро. Поэтому женщину эту никто не заслонял. Они встретились глазами у окна киоска. Карие с голубыми.

– Вы что на меня смотрите? – спросила она так спокойно, что вызвала у него желание задать тот же вопрос.

По глазам читают. Уголки её губ слегка шевельнулись.

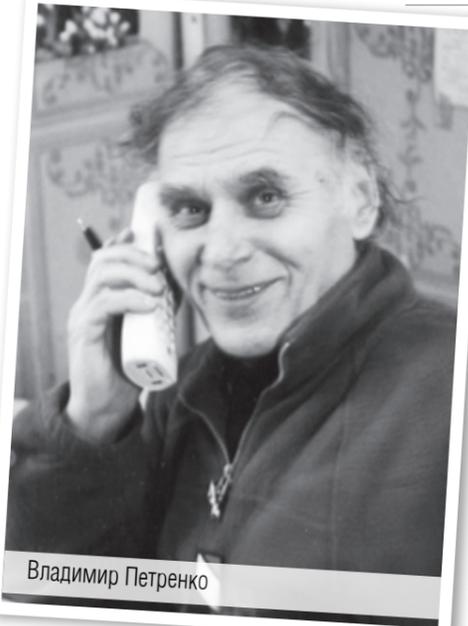
– Купите мне пива, – сказала она, соглашаясь на игру, которая нередко возникает между мужчиной и женщиной.

– И себе тоже, – подхватил он, заказывая «Балтику» по её просьбе.

Оба присели на низкую металлическую ограду позади ларька, не чувствуя под собой её холода, и более уверенно продолжили разговор между глотками горьковатого напитка.

Перебрасываясь пустяковыми фразами, они мельком разглядывали друг друга, надеясь, наверное, что случайно возникший интерес пропадёт, и они разойдутся, внутренне посмеиваясь: вот ведь как бывает.

Но интерес, по крайней мере у него, нарастал, и не оттого вовсе,

Владимир Петренко

что приехал издалека, выполнил все необходимые дела и надо было как-то скоротать оставшееся время: она ему понравилась. Карие глаза с тёмными скобками бровей так органично сочетались с кудрявой шапкой волос орехового цвета, слегка вздернутым носом, красиво очерченными губами: верхняя – наподобие старинного лука, нижняя – в форме половины яблока. И главное – всё это прекрасно обходилось без косметики.

– Удивительно, – сказал он, раздумывая, – никогда прежде у меня не возникало симпатии к женщинам с глазами такого цвета, как ваши.

– А меня всегда мало интересовали мужчины вашего возраста, – ответила она.

Помолчали...

– А вам не кажется, – решил он –

пиво натошак вооружало, – что место, где находимся, не подходит для беседы такого характера?

– Есть варианты? – спросила она.

– Да. Гостиница.

– Пойдём! – сказала она, ничуть не поколебавшись.

Дорога была проложена:

– Как насчёт паспорта?

Он у вас с собой?

– Конечно. И притом с московской пропиской.

– Ты смотри, какая предусмотрительная. С чего бы это?

– Работу ищу. Только и всего.

– Ну, тогда проблем не будет. Покатили.

Можно было обойтись и без троллейбуса. До двадцатизатяжки было рукой подать. Но Наташа – надо же, сколько у него их было – и все Наташи – намеревалась вернуться домой до 23 часов, чтобы избежать объяснений с мужем.

Два крепких молодца в белых рубашках, оставив у себя половину гостевого пропуска, пропустили их в широкий коридор, по сторонам которого то и дело открывались створки лифтов. Чавкнув, cabina унесла их вверх.

Номер, хотя и из дешёвых, выглядел неплохо. Холодильник. Телевизор. Телефон и прочее. Из окна во всю стену, обрамленного боками коричневыми шторами, открывался вид на серую в это время года поляну, которую обступили белые громадины. Когда-то он не раз проходил мимо, там стояла

оставшаяся от деревушки изба. А теперь на её месте колышется на ветру облупленный и измятый остов легковой машины...

– А ты ничего! – сказала она, потягиваясь. Он, испытав ранее неведомое чувство, вспомнил бальзаковскую энциклопедию, где рекламировался темперамент блондинок, а строчкой ниже, против брюнеток, стояло: «смотри блондинки». Старый ловелас что-то явно недоговаривал...

Она поняла его молчание по своему.

– Да ты не думай, – успокоила она, – ничего такого нет. Хочешь, санитарную книжку покажу?

– Ладно, – открывая очередную бутылку пива, сказал он. – Ты мне лучше вот что скажи: чем вообще занимаешься?

– Умираешь от любопытства?

– Не так чтобы очень, но есть.

– Торговка. Кто же ещё? Бывшая.

– И она коротко поведала свою историю: – Напарница подвела. Задолжала. А я вслепую приняла. На меня эти бабки и повесили. Я хозяйину в лоб: «Вы её кинули, а я-то тут при чем?» Он и врубаться не стал. Взял паспорт. Отдашь, говорит, бабки – верну.

Пришла домой к своему – так и так. А он в ответ: «Что?» Ладно, говорит, на семьсот. Отдай – и вали из этой лавки. Теперь вот бегаю везде. Устроиться можно, но через это, а я не хочу.

– А вот то, что у нас сейчас, не все одно?

Она поморщилась:

– Значит, не все!

Он засмеялся:

– Заливаешь!

– Нет ещё, – она показала на пустые бутылки, – сбегай, тогда зальём.

Он посмотрел на часы. Стрелки подходили к барьеру гостевого пребывания:

– Не поздно ли? Ты же собиралась домой.

– А ничего! – махнула она рукой. – Ты же меня не выгонишь, – она неуверенно сняла телефонную трубку и сразу же её опустила. – Что я ему скажу? У подружки осталась? А! Утром что-нибудь да придумаю... Беги-ка за пивом и прихвати какой-нибудь еды. Живот подвело.

Он вышел. И помедлил у двери. Закрывать или нет?

– Не бойся, – услышал по ту сторону, – не убеги. А хочешь – закрой. Целей буду.

Он повернул ключ. И как чувствовал...

– Сюда стучали долго, – сказала она, когда он вернулся. – А я сидела как мышь, тихо.

Они долго еще говорили о том, о сем. Пока не уснули.

Утром его разбудила птица, что-то клевавшая за окном. Он открыл глаза: рядом её не было. И в комнате тоже. Он проверил бумажник: деньги и документы – всё на месте. Его мучили жажда и недоумение. Потянувшись за стаканом – там ещё осталось пиво – увидел салфетку. Печатными буквами она проставила одно слово с тремя восклицательными знаками: «Будь!!!» Он взял эту салфетку, чтобы порвать, и увидел под ней три сторублевки.

В этот же день он уехал. Деньги остались на столе.

...Её утро началось по-другому. Она пришла в киностудию, где её ждали. «Кажется, у меня что-то получается, – сказала она. – Я готова сыграть эту роль».